

ПОЛЬСКИЙ АВТОРИТАРНО-ПОПУЛИСТСКИЙ ПОВОРОТ «ПРАВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ»: СУЩЕСТВЕННО-ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Тамерлан МИРЗАДЖАНОВ
МГИМО МИД России

Аннотация: В статье анализируются основания платформы «Права и справедливости» (*Prawo i Sprawiedliwość*, ПиС) с точки зрения ее авторитарно-популистской направленности, истоков ее взглядов, идеологической ориентации и программных пунктов. В исследовании наглядно показаны прямые последствия антидемократических реформ, предпринятых ПиС в сферах реформирования и регулирования деятельности Конституционного суда, прав человека, деятельности и направленности средств массовой информации, новостных агентств. Эти губительные шаги, предпринятые партией, имели четко прослеживаемые последствия, а также ожидаемо вызвали шквал критики подобных реформ. Это произошло как внутри страны, в среде польской оппозиции и общественных активистов, так и за рубежом, в среде иностранных политиков и общественных организаций, что подробно освещается в рамках данной работы. Цель статьи – комплексное описание и анализ авторитарных тенденций, ставших результатом возведения националистически окрашенного популизма ПиС едва ли не в ранг государственной идеологии. Для проведения подобного исследования пространство политических событий делится на три условные категории. Во-первых, это предпосылки авторитарной ориентации ПиС, вытекающие из ее общей приверженности авторитарно-популистскому образу мира. Во-вторых, это установки, императивы и планы, проявляющиеся в формировании и очерчивании ПиС проблемно-политических ситуаций, в поиске политических и управленческих решений. В-третьих, это преобразования и реакция на них в политическом пространстве.

Ключевые слова: партии, партийные системы, популизм, демократический откат, Польша, ЦВЕ, «Право и Справедливость», «ПиС»

Дискуссии о крене в сторону авторитарного консерватизма и популизма, начавшегося после победы партии «Право и Справедливость» (ПиС) в 2015 г., а особенно в 2019 г., появились не безосновательно. Выборы 2019 г.

Тамерлан Эльдарович Мирзаджанов – соискатель кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России.

E-mail: mrgamer1@rambler.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 07.02.2024

Принята к публикации: 25.02.2024

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ознаменовались самой высокой явкой за всю новую историю Польши – 62%. Из них 44% избирателей отдали предпочтение правящей партии страны – ПиС. С учетом голосов партнеров по коалиции – «Соглашение» (*Porozumienie*), «Солидарная Польша» (СП) (*Solidarna Polska*), «Фракция Пиаст» (ФП) (*Stronnictwo Piast*), «Свобода и Солидарность» (СиС) (*Wolni i Solidarni*), «Республиканская партия» (РП) (*Republikańska Partia*) это значение составляло уже 52%. Пересчет голосов в места осуществлялся методом д'Ондта, который более благоприятствует большим, нежели малым партиям. При этом коалиция формально была зарегистрирована как единый избирательный блок. Центром власти в стране с 2015 г., по сути, является не премьер-министр, председатель парламента или президент, а глава ПиС, Ярослав Качиньский, который на момент написания статьи является лидером ПиС и депутатом нижней палаты парламента (Tworzecki, 2019).

Популизм ПиС

Говоря об антидемократических шагах ПиС, важно отметить, что они истекают скорее не из авторитаризма правящей партии, который, по сути, вторичен, а из ее популизма. Авторитаризм, как правило, хоть и желает народной поддержки, но может существовать и без нее, опираясь на прямое насилие. В нашем же случае речь идет о популизме, который ищет прямой поддержки и одобрения, опирается на простые и понятные лозунги и прямые призывы. Популизм всегда антагонистичен плюрализму, он предпочитает не конституционную, прямую демократию, плебисцит, но верит в воплощение мифической, предполитической воли народа в политическое действие лидера (Müller, 2017).

Социум, как совокупность различных пересекающихся интересов, позиций и идентичностей, порождающих плюралистическое социальное полотно, зиждущееся на принципах консенсуса и компромисса в видении популистов и ПиС, является единой, гомогенной национальной группой, замыкающейся на харизматичном лидере (Weyland, 2017). ПиС не стесняется называть всех несогласных врагами и предателями, разжигать ксенофобию и радикальный, агрессивный национализм, называть главной опасностью и вместе с этим жалким, провальным проектом современный либерализм, что, в целом, характерно для сегодняшнего правого популизма как мировой тенденции¹ (Chapman, 2017).

Идеологическую направленность ПиС можно также характеризовать как современный авторитарный популизм, который является культурной реакцией против долгосрочных и непрерывных социальных трансформаций².

¹ Chapman A. (2017). Pluralism under attack: The assault on press freedom in Poland. *Freedom House*. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_Poland_Report_Final_2017.pdf (accessed 16 May 2023).

² Norris P. (2016). It's Not Just Trump: Authoritarian Populism Is Rising Across the West; Here's Why. *Washington Post*, 11 March. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/03/11/its-not-just-trump-authoritarian-populism-is-rising-across-the-west-heres-why> (accessed 16 May 2023).

Стратегия подобных партий – мобилизовывать экономически проигравших избирателей, используя концепт прямого, антиэлитного народовластия (Pelinka, 2013). ПиС придерживается мнения, что задачей государства является экономическое развитие, обеспечение занятостью, жилплощадью и помощь в содержании детей, и реализует эти устремления в своей политике. Ответом со стороны ПиС на закономерное недовольство городского среднего класса становится тезис о том, что эти люди разбогатели, а теперь не хотят честно поделиться с несправедливо проигравшими и обездоленными соотечественниками (Tworzecki, 2019).

В своем дискурсе ПиС проводит отчетливую дихотомию между настоящими поляками, составляющими тот самый «народ» в представлении популистов, и вырожденцами, бросающими тень на нацию. Помимо культивирования этнического национализма, ксенофобии и нетерпимости по отношению к пресловутому и неотъемлемому популистскому «другому и чужому» ПиС крайне поляризовала собственное общество, деля его на «всех, кто за нас, и всех остальных, кто против». Партия заявляет, что демократия – не универсальное понятие, и в различных цивилизационных контекстах она будет иметь уникальное проявление с учетом традиционных ценностей. Также демократия, по мнению ПиС, не может иметь приоритет над вопросами государственной безопасности, понимаемыми крайне широко и расплывчато. Таким образом, правление ПиС постепенно размывает либерально-демократические нормы, успевшие сложиться в стране (Cooley, 2016). По ее мнению, теперь страну необходимо восстанавливать и оздоравливать спустя 26 лет (1989–2015) западноевропейской, не применимой к восточной Европе демократии.

Можно сказать, что популизм вообще и популизм ПиС, в частности, можно свести к двум основным максимам. Во-первых, это антиэлитаризм, считающий элиты априори самозакисленными и коррумпированными и противопоставляющий им «народников» – истинных политиков и избранников от народа. Во-вторых, это упрощение многомерного пространства политических процессов, то есть попытка дать простейшие ответы на сложнейшие проблемно-политические ситуации (Paczeoeniak, Waele, 2010). Активная популяризация ПиС началась в 2007 г., когда партия начала идейно сближаться со своими популистскими и маргинализирующимися союзниками по коалиции – националистически-католической «Лигой Польских Семей» (ЛПС) (*Liga Polskich Rodzin*) и националистически-аграрной «Самообороной Республики Польша» (СРП) (*Samoobrona Rzeczpospolitej Polskiej*). Следующим триггером к популизации стала гибель президента страны Леха Качиньского в авиакатастрофе в 2010 г., на волне которой дискурс, риторика и призывы ПиС стали более агрессивными, ярче вырисовался образ внешнего врага. Тормозила же популизм ПиС благоприятная экономическая обстановка в Европе, существовавшая до мирового финансового кризиса 2008 г., а также общенациональная эйфория от вступления в ЕС в 2004 г. (Modrzejewski, 2017).

Популизм-католицизм ПиС

Популизм ПиС тесно связан с доминированием консервативных ценностей в обществе и католической идентичностью. Церковь своей поддержкой и агитацией удерживала традиционный электорат ПиС в 2015 г. и 2019 г., пока партия, захватывая медианного избирателя, стремилась в центр³. ПиС удивительным образом смогла комбинировать в своем дискурсе этнический национализм и католицизм. Для партии католицизм есть неизменная черта истинной «польскости» в противовес чуждому космополитизму либералов. Ярким примером выступает тот факт, что ПиС пыталась запретить финансирование экстракорпорального оплодотворения за счет средств государственного здравоохранения. Существует позиция, что нынешний польский католицизм, вторгающийся в политическую сферу с активной поддержкой ПиС, является народническим и антиинтеллектуальным католицизмом. Церковь для ПиС – это хранитель традиционных моральных и нравственных ценностей нации (Modrzejewski, 2017).

В целом католическая церковь была активно вовлечена в политику во время Второй мировой войны, коммунистического периода, этапа краха коммунизма в конце 80-х гг. и трансформационного периода 90-х гг. К концу 2000-х гг. так называемые «интеллигентный» и «прогрессистский» лагеря церкви отошли от активной политической агитации и мобилизации. Консервативный же лагерь и младшие звания духовенства активизировались в политике, начиная с 2015 г. (Modrzejewski, 2017). Во многом сначала еврореализм, а затем евроскептицизм ПиС основывался на том, что ЕС не апеллирует в своей Конституции к христианству и христианским нормам, в связи чем ЕС также стал потенциальным «врагом», в популистском смысле этого слова (Lason, 2011).

Идеология ПиС

Другая позиция заключается в том, что с идеологической точки зрения современная модель политического действия, созданная ПиС, может быть названа как неоавторитаризм. «Неоавторитаризм – это модель социально приемлемой системы управления, упрощенная и суженная до элементарных дуализмов. Неоавторитаризм выражает интерес всех классов и страт, но скептически настроен к элитам, истеблишменту и любым меньшинствам (этническим, религиозным, сексуальным), всем тем, кто не вписывается в традиционное, гомогенное национальное общество. Национальное сообщество при таком раскладе свободно перед лицом элит и богачей и способно открыто конкурировать с ними и самостоятельно устанавливать повестку» (Gdula, 2017).

³ Smith A. (2015) In Deepest Rural Poland, Politics Is Shaped by Love of Church ... And Hatred of Brussels. *Guardian*, 24 October. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/25/law-and-justice-poland-drift-to-right> (accessed 13 May 2023).

ПиС понимает нацию в романтическом видении, как исключительное общество (Karnowska, 2011). Текущие политические элиты, по убеждению ПиС, подлежат немедленной смене на народных лидеров. Среди своего электората ПиС культивирует мнение, что в реалиях быстро, регулярно, радикально и часто неоправданно меняющегося мира Польша остается, пожалуй, единственной страной Европы, где пытаются устраивать свою жизнь в соответствии с тем, как «надо» и «положено». Само общество же делится, в представлении большинства ядерного электората, дихотомично: на тех, кто отвечает определенным традиционным требованием «нормальности», и не отвечающим таковым (Drozdowicz, 2019). Если во времена своего появления в 2001 г. ПиС усматривала общественного врага в бывших коммунистических элитах, то к периоду 2015–2019 гг. таковыми стали либералы-западники (Modrzejewski, 2017).

В экономическом аспекте чем более ПиС переставала быть партией, построенной из осколков либерального движения «Солидарность» (*Solidarność*), и становилась самостоятельной силой, тем более отказывалась от неолиберализма в пользу польского видения государства всеобщего благосостояния. Последнее заключается в солидаризме, подразумевающим соседство свободного рынка и государственного вмешательства в социально-экономическую сферу, особенно в вопросах неравенства доходов и благосостояния (Kowalczyk, 2014). ПиС критикует продажу предприятий и колхозов частным лицам в 90-х гг., называя приватизацию поспешной, необдуманной и, как результат, вредной для общества и государства (Tworzecki, 2019).

В социальном аспекте ПиС придерживается традиционалистского видения о гражданском обществе, приоритета общего над индивидуальным, нации над индивидом. ПиС заимствует у классического консерватизма идею о том, что благо для индивида проистекает из того, что является благом для нации (Karnowska, 2011). ПиС, утверждая полную легитимность своей политики, апеллирует к тому, что получила власть демократическим путем, напрямую из рук народа, и осуществляет власть в соответствии с волей народа, а суверенный народ находится над любым государственным или международным законом и правом меньшинства (Modrzejewski, 2017).

Программа ПиС

С 2015 г. программа ПиС сводилась к последовательной критике того пути развития, который выбрала страна в 1989 г. Это соглашения круглого стола, либеральная экономическая реформа – шоковая терапия, несправедливая приватизация, децентрализация власти, которая привела к относительно независимым региональным правительствам, примат рыночных механизмов, ущемляющий положение обычных рабочих и малоимущих, автономность гражданского общества. Последней ПиС противопоставляет государственный центризм с сильной националистической и религиозной окраской, тем самым пытаясь и далее концентрировать власть в своих руках. После прихода к власти в 2015 г. ПиС, воспользовавшись благоприятной экономической

обстановкой, реализовала широкую программу перераспределения – повышение минимальных зарплат, прожиточного минимума, пенсий, пособий, что привело к колоссальному увеличению государственных расходов (Markowski, 2020).

Программно-идеологически это находит отражение в концепции ПиС о национальной версии государства всеобщего благосостояния как «семьи семей» (Markowski, 2020). В каком-то смысле ПиС исповедует социальный консерватизм, так как особенно акцентируется на благополучии и сохранении обычных польских традиционных семей и простых людей, равенства и справедливости между ними, построенных на чувстве национальной общности (Korycki, 2017). Широкая политика перераспределения разделила общество на две равные половины, одна из которых ее всячески поддерживает, а другая называет нелегитимной (Tworzecki, 2019).

Политика ПиС в отношении судов

Весь период с 2015 г. ПиС пытается фактически упразднить разделение властей. Разумеется, это приводило к спорам с Конституционным судом (КС) (Markowski, 2020). При этом ПиС не признает судебную власть в контексте ее демократической роли средства сдерживания и противовеса, ее независимость перед лицом политических сил (Sadurski, 2018). Это заставляет говорить о нелиберальной политико-управленческой тенденции и отходе от статуса одной из самых успешных демократий в посткоммунистическом регионе. В итоге уже можно констатировать, что Конституционный суд «проиграл» ПиС и, по сути, уже к 2018 г. стал лишь инструментом в руках партии. ПиС трансформировал Конституционный суд из средства антимажоритарной проверки законов на предмет противоречия Конституции сперва в бессильный и парализованный институт, не способный рассматривать новые законы ПиС, а затем – в послушного союзника партии (Sadurski, 2018).

Сейчас же роль Конституционного суда преимущественно сводится к недопущению применения к правительству ПиС ограничивающих, антиавторитарных законов, принятых до прихода партии к власти в 2015 г. Ключевая же роль любого Конституционного суда – надзор за соблюдением Конституции и ее защита от законодательного большинства – полностью утеряна. Польский Конституционный суд, наоборот, защищает законодательное большинство. В итоге произошло открытое наступление на либерально-демократический конституционализм. Очевидно, что власть, тяготеющая к авторитаризму, не готова мириться с политическими институтами, которые могут обращать вспять ее политику и отменять ее законы (Sadurski, 2018).

Дальнейшие законодательные акты могут полностью противоречить Конституции, так как утеряны процедурные и институциональные средства для соблюдения конституционных норм (Konsewicz, 2017). При этом Конституционный суд создавался как инструмент демократического правления, стоящий на страже демократии, ограничивающий законодательную и исполнительную ветви. Ряд принятых Конституционным судом постановлений, например,

постановление о соблюдении закона о вещании, которое требует от вещателей уважать христианские ценности, уже намечает дальнейшее направление развития ситуации (Sadurski, 2014). Помимо этого, Конституционный суд постановил, что циклические общественные собрания имеют конституционно легитимную цель защиты национальных ценностей и истории, провозглашенных в Конституции. Таким образом, им должен быть гарантирован приоритет над обычными собраниями. Очевидно, что цель данного постановления заключается в гарантии абсолютного приоритета ежемесячных публичных митингов ПиС в память о гибели президента Леха Качиньского. По существу, данные митинги сегодня представляют собой демонстративную и массовую эскалацию ненависти к оппозиции. Каждый такой митинг заканчивается католической молитвой и речами поддержки и лояльности ПиС (Sadurski, 2019).

При нынешней системе правительство подает петиции в Конституционный суд с тем, чтобы тот легализовывал продиктованные популистской идеологией посягательства правительства правящей партии на Конституцию и правосудие в стране. Ярослав Качиньский откровенно признал, что трансформации Конституционного суда ставили целью гарантировать отсутствие юридических препятствий для государственной политики (Sadurski, 2020). Здесь надо отметить, что ПиС подготавливала законченные проекты новой Конституции в 2005 г. и 2010 г. Данные проекты провозглашали национал-католицизм государственной идеологией, передавали максимум полномочий исполнительной власти и наделяли пост президента неограниченными возможностями. С 2015 г. ПиС регулярно пытается сменить Конституцию, но, не имея двух третей в парламенте, пытается сделать это незаконно, по факту обладания лишь абсолютным большинством (Tworzecki, 2019).

Политика ПиС в отношении прав человека

В результате трансформаций Конституционного суда юридическая система в стране, необходимая для защиты прав человека, разрушается. Толкование правомерности законодательных ограничений Конституционных прав граждан перешло в руки правительственно-парламентского руководства (Sadurski, 2020). Для популистских партий свойственно не принимать систему сдержек и противовесов и, после прихода к власти, стремиться кооптировать, подчинить или упразднить надзорные и контролирующие государственные институты, в первую очередь суды (Bodnar, 2018).

В высокой степени разрушение инфраструктуры системы соблюдения гражданских прав применяется ПиС для ограничения деятельности некооптированных и недружественных движений и НКО, а также полного исключения влияния ЕС на внутреннюю политику. ПиС не одобряет текущую политику ЕС по противодействию дискриминации: в 2016 г. партия распустила правительственный совет «По противодействию расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости». Государственные школы прекратили проводить мероприятия по профилактике этнической нетерпимости, вместо чего начали приглашать на уроки активистов ультраправого «Национального Радикального

Лагеря» (НРЛ) (*Obóz Narodowo-Radykalny*). Правительство прекратило субсидирование организаций гражданского общества по защите прав и свобод, перенаправив средства на поддержку религиозных НКО (Sadurski, 2020).

Удар по правам человека был нанесен кооптированным ПиС Конституционным судом еще и тем, что, постановив приоритет циклических митингов и собраний, имеющих историческое и культурное основание, КС прямо запретил проведение контрмитингов вблизи циклических митингов. Это решение полностью противоречит постановлению Конституционного суда 2006 г. «О свободе массовых собраний». Участники подобных контрмитингов сталкиваются с задержаниями со стороны полиции и дружинников ПиС (Sadurski, 2020). Участники циклических митингов ПиС по факту не несут ответственности за неонацистские лозунги и транспаранты, хотя они прямо запрещены уголовным кодексом страны. Участники же антиправительственных и антинацистских митингов активно штрафуются полицией⁴. Вместе с подобными нашумевшими аспектами стоит упомянуть и менее замеченные, например, ввод ограничений прав собственности, повлиявших на свободу распоряжения частными собственниками их сельхозугодьями. Также партия удалила из закона о государственной службе критерий прошлых заслуг для претендентов на должности с тем, чтобы назначать на них проверенных и лояльных членов ПиС вне зависимости от их компетентности (Tworzecki, 2019).

Политика ПиС в отношении медиа и СМИ

ПиС также активно подчиняет государственные медиа, превращая их в партийно-пропагандистский рупор. В 2016 г., впервые в истории, ЕС инициировал официальное расследование в отношении одного из государства-члена – Польши. Расследование ставило целью рассмотреть принятые ПиС в 2015 г. законы на соответствие верховенству права и демократическим ценностям. В частности, речь идет о законе, дающем возможность правительству напрямую назначать руководителей государственного телевидения и радио (Benedikter, Karolewski, 2016). Сразу после принятия данного закона ПиС начала чистку кадров по принципу лояльности. В государственных медиа было уволено более 200 журналистов. Независимые журналисты и публицисты запугивались обещаниями судебного расследования за клевету на должностных лиц (Sadurski, 2020).

ПиС теперь использует подотчетные ей государственные СМИ для создания своей мало чем подкрепленной версии событий, согласно которой во весь период с 1989 г. по 2015 г. страна принимала ошибочные решения, забыла свои корни и историю и, как результат, находилась в упадке, когда господствовали беззаконие и несправедливость, народ страдал, а элиты, устремленные на запад, богатели. Государственные СМИ прокламируют,

⁴ Kursa M. (2018) Obywatel 'scigani za protest. *Gazeta Wyborcza*. No14, 17 October.. Available at: <https://wyborcza.pl/7,166575,24046947,obywatele-scigani-za-protesty.html> (accessed 13 May 2023).

что на сплоченной под руководством партии нации (не считая предателей, коррупционеров, преступников, социальных вырожденцев, тунеядцев и глупцов) лежит важная задача спасения и восстановления, реконструкции родины (Tworzecki, 2019).

Удар был нанесен не только по СМИ, но и по свободе слова в целом. Так, был принят закон об уголовном преследовании за «ложное» обвинение польского народа и государства в причастности к преступлениям Третьего Рейха, а административное преследование применяется в случаях подрыва репутации Польши и польского народа путем публичных высказываний. Неправительственные организации получили более широкие возможности подавать гражданский иск против лиц, нарушивших данный закон. Этот шаг вызвал крайнее недовольство в США и, особенно, в Израиле (Koncewicz, 2017). Результатом общественных споров о законе стал резкий рост антисемитизма в польском сегменте интернета и социальных сетях (Babińska, Bilewicz, Bulska, 2018).

Политика ПиС в отношении спецслужб

В 2016 г. ПиС приняла ряд законов, увеличивающих полномочия спецслужб и полиции по сбору персональных данных и контролю граждан, заподозренных в связи с террористами. При этом законы дают очень пространственное и расплывчатое понимание терминов «терроризм», «террористический акт», «связь с террористами», «антитеррористическая деятельность». По новым законам спецслужбы создают базу лиц, которые могут иметь связь с террористами или являться ими. Однако нет четких правил и оснований для внесения лица в данный список. В итоге силовые органы получили широкие, но нечетко определенные полномочия. Предполагаемая возможность совершения лицом террористического акта является основанием для задержания под стражу. Судебный надзор над спецслужбами и полицией, по новым законам, наоборот, строго ограничен. Также разрешается использование в судопроизводстве доказательств, собранных незаконным путем (Sadurski, 2020).

Политика ПиС в отношении политики памяти

Важной частью политики ПиС является политика памяти, апеллирование к истории, ссылки на события прошлого и их пересечение с настоящим. Так, ПиС создает видение мира, в котором идеологическая позиция, а именно взгляд на коммунистическое прошлое, становится определяющей характеристикой индивида, маркером его идентичности – «за нас или против нас». Более того, ПиС актуализирует этот вопрос, заявляя, что бывшие коммунистические элиты до сих пор не до конца люстрированы и имеют несправедливо сильные позиции в экономике, государственном администрировании, науке и публицистике.

В некоторой степени это характерно для всей польской политики, где отношение к прошлому и нравственно-моральная ориентация определяют политические размежевания и партийную идентичность. Таким образом, прошлое, а не насущные политические проблемы, во многом организует политическое поле в Польше. В этом контексте ПиС дихотомично делит политический спектр идентичностей на «наших и чужих», на «правых и неправых», называет свою оппозицию неистинными и ненастоящими поляками и тем самым онтологизирует политику. В целом, проводя политику памяти, ПиС постулирует, что для установления сущности политических акторов достаточно понять их взгляд на прошлое страны (Korycki, 2017).

Политика ПиС в отношении деятельности Института Национальной Памяти

После победы в 2015 г. ПиС начала конфликтовать с Конституционным судом, отвергшим план смены Конституции, предложенный партией. Это проявило непримиримость и конфликтность идеологии партии. Кроме того, ПиС не делала примирительных заявлений в адрес оппозиции и избирателей, отдавших голос за другие партии (Ost, 2018). Яркой чертой ПиС также является инструментализация политики памяти, которая находит отражение в утверждениях о недостаточном характере мер люстрации и декоммунизации, осуществленных после 1989 г. Это свидетельствует о том, что ПиС осуществляет мобилизацию популистски настроенного электората (Karolewski, 2019).

ПиС политизировала деятельность Института Национальной Памяти, используя его как средство распространения исторических обоснований и легитимации своей идеологии. Изначальной целью Института были исторические научные исследования, сохранение истории, просвещение и расследование военных и политических преступлений. Ключевым фактором выступает факт государственного финансирования Института. ПиС регулярно настаивает на необходимости пересмотра истории, осознания важности исторической политики. В этом ключе ПиС ставит под сомнение причастность некоторых польских граждан к убийству евреев во время Второй мировой войны. В итоге историческое самосознание затмевается крайним патриотизмом, стимулируемым националистически-популистским дискурсом правительства. Особенно уязвимыми к этой тенденции оказываются молодежь и подростки (Karolewski, 2019).

Протесты как внутринациональная реакция на политику ПиС

Поддержка семьи выступает одной из важных задач консервативной ПиС. Вместе с тем именно программа дотаций на детей привела в 2016 г. к самому крупному дефициту государственного бюджета с момента демонтажа коммунистической системы. Подобные неудачи в непосредственном управлении партия стремится нивелировать все более набирающими обороты

националистическими и популистскими высказываниями и позициями. В случаях, когда ПиС, будучи правящей и общенациональной, не может придерживаться агрессивного дискурса, она привлекает крайне радикальный электорат через кооптацию с малыми партиями, которые спокойно относятся к наиболее непримиримой риторике.

Так, по спискам ПиС в парламент 2015 г. прошла «Солидарная Польша» (СП) (*Solidarna Polska*), отличающаяся консервативным фундаментализмом, национализмом и крайне правым популизмом. Ожидается, что подобный тренд официальной власти привел к появлению таких движений, как «Комитет Защиты Демократии» (КЗД) (*Komitet Obrony Demokracji*), выступающий и проводящий манифестации под лозунгами необходимости предотвращения антидемократических шагов, которые предпринимает ПиС. Такие же антиавторитарные манифестации проводит созданная партия «Левые Вместе» (ЛВ) (*Lewica Razem*). Первым шагом в этом направлении стал массовый протест в октябре 2016-го против законопроекта о запрете аборт, предложенного парламентской коалицией ПиС. В последующие годы протесты и манифестации против политики ПиС стали главным рычагом КЗД.

КЗД как внутринациональная реакция на политику ПиС

КЗД во многом похожа на ПиС, поскольку использует политику памяти и исторические события как аллереорию на настоящее. Так, она проводит параллели между борьбой коммунизма и антикоммунизма в 80-ых и национал-консерватизмом и либеральной евродемократией сегодня (Karolewski, 2016). КЗД заявляет, что готова защищать демократию перед лицом ПиС так же, как это делала «Солидарность» перед лицом коммунистического режима. Позиция ПиС и подчиненных ей государственных медиа относительно КЗД проста – это люди, обогатившиеся коррупционным путем при правительстве «Гражданской платформы» (ГП) (*Platforma Obywatelska*), которые теперь боятся, что правительство ПиС возбудит против них уголовные дела. Сочувствующие КЗД, по мнению лидеров ПиС, – это вырожденцы, не настоящие поляки, они являются «солдатами в гибридной войне, которую ведет Россия против Польши» (Karolewski, 2016).

Однако опросы общественного мнения показывают, что уже в 2016 г. 46% поддерживали КЗД. В основном это более образованные, обеспеченные и менее религиозные жители больших городов. В 2016 г. у КЗД был самый высокий рейтинг одобрения среди всех партий и движений в стране – 40% одобряли деятельность КЗД и только 28% не одобряли. Интересно, что 30% активистов КЗД голосовали за Анджея Дуду (кандидата от ПиС) на президентских выборах и 25% за ПиС на парламентских выборах в 2015 г. Возможно, эти люди поддержали ПиС за ее традиционную и охранительную политику, но были не готовы к демонтажу демократических институтов⁵.

⁵ Kublik A. (2016) KOD mocniejszy od partii. *Gazeta Wyborcza*, 15 April. Available at: <http://wyborcza.pl/1,75398,19921230,kod-mocniejszy-od-partii.html> (accessed 4 May 2023).

КЗД – это результат деятельности активного, хоть и неразвитого по меркам региона, гражданского общества, отраженный в протестах, характерных для Польши. КЗД, акцентируя на данной исторической особенности внимание, прямо указывает на свою преемственность «Комитета защиты рабочих» (КЗР) (*Komitet Obrony Robotników*) – организации, ставшей основой «Солидарности» и защищавшей рабочих, забастовщиков и диссидентов перед лицом коммунистических властей в 1976–1981 гг. Об этом открыто заявляет лидер КЗД Матеуш Кийовски в своих регулярных интервью *Die Zeit* и *Guardian*. По его мнению, КЗД не является просто спонтанным движением, правильнее считать его платформой для оппозиционных партий, деятельность которой направлена на повышение давления на парламент и правительство в форме внепарламентской борьбы за власть и торжество демократии (Karolewski, 2016). Эти слова подтверждаются тем, что ГП и «Современная» активно сотрудничают с КСД в плане кадров, структуры, идеологии и массовых акций⁶. Таким образом КЗД не является чисто социальным движением, ведь он представляет политические возможности для всех лидеров оппозиции ПиС.

При этом лидер КЗД отдельно подчеркивает, что считает неприемлемым пытаться монополизировать все пространство оппозиционности, а тем более – переходить к силовым методам политической борьбы или любым другим попыткам свержения власти. Вместо этого реперной задачей для КЗД является формирование устойчивой контрповестки и новой протестной идентичности своих активистов, а также трансляция этой повестки для внешнеполитической арены, особенно ЕС. С этой целью КЗД направляет письма в парламент ЕС и регулярно встречается с его членами. КЗД важно показать, что хоть ПиС прикрывается тем, что говорит от имени «всего истинного народа», на самом деле народ не столь монолитен и гомогенен и есть массы, которые не поддерживают и не одобряют ПиС (Karolewski, 2016).

Международная реакция на политику ПиС

Политика ПиС вызывает ответную реакцию и беспокойство не только внутри страны, но и за рубежом. В 2016 г. трое сенаторов, представлявших как Демократическую, так и Республиканскую партии США, обратились к премьер-министру ПиС Беате Шидло, высказывая опасения, что трансформация законодательства, предпринятая ПиС, может привести к ухудшению демократического процесса, так как затрагивает напрямую верховенство права и независимость судебной ветви власти. Сенаторов также волновала ситуация со свободой государственных СМИ⁷ (Gera, 2016). Ответ сенаторам заключался в том, что они не знают контекста и вмешиваются во внутреннее дело суверенного государства (Karolewski, 2016).

⁶ Wybranowski W. (2016) Tak platforma organizuje demonstracje KOD. *Do Rzeczy*, 8 January. Available at: <https://dorzeczy.pl/7855/tak-platforma-organizuje-demonstracje-kod.html> (accessed 13 May 2023).

⁷ Gera V. (2016). Poland Angry at Criticism from US Senators over Rule of Law. *Washington Times*, 15 February. Available at: www.washingtontimes.com/news/2016/feb/15/poland-angry-at-criticism-from-us-senators-over-ru (accessed 10 May 2023).

В том же году Барак Обама, выступая на саммите НАТО, обратился к кабинету ПиС с просьбой соблюдать принцип верховенства права в контексте предпринятой реформы Конституционного суда⁸. Также в 2016 г. комиссия ЕС начала расследование против Польши на предмет нарушения демократических норм государством-членом. В частности, речь идет о нарушении принципа верховенства права. Правительство ПиС вновь ответило, что это внутреннее дело суверенного государства.

В целом ПиС всегда жестко реагирует на решения ЕС, так как считает, что хоть вступление в Союз было правильным и общенациональным решением, оно было осуществлено на невыгодных для страны условиях в аспекте финансов, фермерства и институционального дизайна, поскольку проводило его левое правительство Союз демократических левых сил (СДЛС) (*Sojusz Lewicy Demokratycznej*). ПиС не принимает идею о ЕС как о федерации стран, предлагая вместо нее идею ЕС как содружества национальных государств (Kowalczyk, 2004). Ядерный электорат ПиС легко принимает идею партии об опасности излишнего доверия чужому. По этой причине большое недоверие и скепсис у первого вызывает ЕС. При этом ПиС все же остается, в каком-то смысле, в рамках европейского центризма. По этой причине, при всей критике ЕС, дискурс не переходит в действие и ПиС никогда реально не рассматривала возможность выхода из ЕС по Британскому образцу (Korycki, 2017). Однако сам ЕС на польском примере продемонстрировал недостаток, если не отсутствие, институциональных средств для предотвращения антидемократического движения стран-участников (Kelemen, 2007).

Заключение

Справедливо считать, что 2015 г. ознаменовался началом популистской политической трансформации в масштабах всей страны, проводимой под руководством правящей ПиС. В результате подобных сдвигов страдает качество демократии и подвергаются ударам многие демократические институты, ограничиваются свободы. ПиС же не скрывает, что старается культивировать в общественном сознании иное представление и отношение к демократии. Непримируемость и усердие ПиС в этом направлении не оставляют надежд на смягчение и улучшение ситуации.

Помимо этого, политика ПиС сильно поляризует общество, увеличивает конфронтацию, приучает его к крайне упрощенному и примитивному, двумерному представлению о политическом. При этом идеологическая агитация и мобилизация ПиС значительно опирается на местную католическую церковь. Радикальная и «народная» идеология ПиС толкает ее на проведение резких реформ, полную смену состава государственных служащих. В основе данных взглядов во многом лежит реакция, неприятие ПиС текущих западных

⁸ Birnbaum M. (2016). Barack Obama Attacks Polish Democracy in a Speech ... Polish TV Changes Speech. *Independent*. Available at: www.independent.co.uk/news/world/americas/barack-obama-attacks-polish-democracy-in-a-speech-polish-tv-changesspeech-a7129136.html (accessed 10 May 2023).

политических и культурных идеалов и того исторического пути, который прошла Польша после 1989 г. Этот период ПиС называет неуспешным, полным коррупции, олигархизма и несправедливой бедности.

В качестве альтернативы ПиС называет этатизм и возврат к традиционным национальным польским ценностям под эгидой истинно «народной» партии. В идейно-программном смысле ПиС выступает за широчайшее перераспределение в пользу всех проигравших. Однако в итоге данные устремления приводят к национализму и авторитаризму на государственном уровне. После своего прихода к власти ПиС существенно упразднила разделение властей, лишив Конституционный суд независимого положения. Это не результат политической конъюнктуры или последствий, а целенаправленно осуществленное и обдуманное решение, так как нелиберальная идеология ПиС не признает основные либерально-демократические принципы в их изначальном виде и считает, что судебная власть должна быть инструментом и помощником исполнительной.

За этим, очевидно, под удар попали верховное положение Конституции, принцип права меньшинства и право на свободу собраний. Ограничение системы судебной защиты демократических прав не в последнюю очередь ставит целью минимизировать влияние национальных и международных НКО, а также любых других внешних акторов, прежде всего ЕС, на партийно-государственную политику.

Вследствие действий ПиС государственные медиа стали, по сути, партийно-пропагандистским рупором, ставящим целью запугивать общество преувеличенными или вовсе не существующими угрозами, от которых может «спасти» только мажоритарное и безграничное руководство ПиС. За инструментализацией СМИ последовало и ограничение свободы слова. Помимо этого ПиС увеличила и расширила полномочия спецслужб, мобилизовала общество с помощью имплементации политики памяти и адаптации любых подходящих государственно-общественных организаций под свои нужды через политизацию последних.

Очевидно, что подобная ситуация приводит к недовольству существенной части населения – в стране возросла протестная деятельность, появились специализированные организации, например, КЗД, направленные на противодействие авторитарно-популистской политике ПиС. На международной арене политические шаги ПиС также вызывают критику и опасения, особенно среди руководящих и контрольных органов ЕС.

Список литературы

1. Babińska M., Bilewicz M., Bulska D., et al. (2018) *Stosunek do Żydów i ich historii po wprowadzeniu ustawy o IPN*. Warszawa: Centrum Badan nad Uprzedzeniami. (In Polish).
2. Benedikter R., Karolewski I. (2016) Poland's conservative turn of 2015: Where are its real origins? *CIFE Policy Paper* (35): 81–88.

3. Bodnar A. (2018) Protection of Human Rights after the Constitutional Crisis in Poland. *Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart* (66): 639–662.
4. Cooley A. (2016) Countering Democratic Norms. In: *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*. L. Diamond, M. Plattner, Ch. Walker (eds). Baltimore: John Hopkins University Press.
5. Drozdowicz J. (2019) Splendid Isolation. Reframing National Identity Through Political Populism in Poland. *Hague Journal on the Rule of Law* (11): 85–110.
6. Gdula M. (2017) *Dobra zmiana w miastku. Neoautorytaryzm w polskiej polityce z perspektywy małego miasta*. Warszawa: Instytut Studiów Zaawansowanych Press. (In Polish).
7. Karnowska D. (2011) *Spór o wspólnoty. Idee komunitarystyczne we współczesnej polskiej myśli politycznej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
8. Karolewski I. (2016) Protest and participation in post-transformation Poland: The case of the Committee for the Defense of Democracy (KOD). *Communist and Post-Communist Studies* 49(3): 255–267.
9. Karolewski I. (2019) Memory games and populism in postcommunist Poland. In: *European Memory in Populism*. Ch. Cesari, A. Kaya (eds.). London: Taylor and Francis Publishing.
10. Kelemen D. (2007) Europe's other democratic deficit: National authoritarianism in Europe's Democratic Union. *Government and Opposition* 52(2): 211–238.
11. Koncewicz T. (2017) On the Politics of Resentment, Mis-memory, and Constitutional Fidelity: The Demise of the Polish Overlapping Consensus? In: *Law and Memory: Towards Legal Governance of History*. U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias (eds). Cambridge: Cambridge University Press.
12. Korycki K. (2017) Memory, Party Politics, and Post-Transition Space: The Case of Poland. *East European Politics & Societies* 31(3): 518–544.
13. Kowalczyk K. (2004) Prawo i Sprawiedliwość. In: *Polskie partie i ugrupowania parlamentarne*. K. Kowalczyk, J. Sielski (eds). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
14. Kowalczyk K. (2014) Typologia polskich partii politycznych według kryterium programowego. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne* (1): 73–99. (In Polish).
15. Lasoń M. (2011) Eurosceptycyzm jako przejaw populizmu w praktyce politycznej III RP. *Krakowskie Studia Międzynarodowe* 8(4): 187–201. (In Polish).
16. Markowski R. (2020) Plurality support for democratic decay: the 2019 Polish parliamentary election. *West European Politics* 43(13): 1513–1525.
17. Modrzejewski A. (2017) Catholic and Nationalist Populism in the Current Poland. *Perspective Politice* 10(1): 21–31.
18. Müller J. (2017) Populism and Constitutionalism. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.
19. Ost D. (2018) *Authoritarian Drive in Poland. Poland's Memory Wars: Essays on Liberalism*. J. Harper (ed). Budapest: Central European University Press, pp. 55–64.
20. Paczoeniak A., De Waele J. (2010) *Europa z rys populizmu. In: Populizm w Europie. Defekt i przejaw demokracji?* J.-M. De Waele, A. Paczoeniak (eds). Warszawa: Oficyna Naukowa. (In Polish).
21. Pelinka A. (2013) Right-Wing Populism: Concept and Typology. In: *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. R. Wodak, M. Khosravini, B. Mral (eds). London: Bloomsbury.
22. Roguska B. (2016) Aktywność społeczno-polityczna Polaków. *Komunikat z Badań* (16): 1–17. (In Polish).
23. Sadurski W. (2014) *Rights before Courts: a study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe*. Dordrecht: Springer. 376 p.
24. Sadurski W. (2018) How Democracy Dies (in Poland): A Case Study of Anti-Constitutional Populist Backsliding. Sydney: *Legal Studies Research Paper* 18(1): 1–72.
25. Sadurski W. (2019) *Polish Constitutional Tribunal Under PiS: From an Activist Court, to a Paralyzed Tribunal, to a Governmental Enabler*. *Hague Journal on the Rule of Law* 11: 63–84.

26. Sadurski W. (2020) Populism and Human Rights in Poland. In: *Human Rights in a Time of Populism*. G. Neuman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
27. Tworzecki H. (2019) Poland: A Case of Top-Down Polarization. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 681(1): 97–119.
28. Weyland K. (2017) Populism: A Political–Strategic Approach. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.

Comparative Politics. Volume 14. No. 4. October–December / 2023
DOI 10.46272/2221-3279-2023-4-14-102-119

POLISH AUTHORITARIAN-POPULIST TURN OF THE “LAW AND JUSTICE” PARTY: FOUNDATIONS AND CONSEQUENCES

Tamerlan E. MIRZADZHANOV – PhD Student, Department of Comparative Politics, MGIMO University.

E-mail: mrgamer1@rambler.ru

76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received February 7, 2024

Accepted February 25, 2024

Abstract: The article examines the foundational principles of the Law and Justice (Prawo i Sprawiedliwość, PiS) party, focusing on its authoritarian–populist stance, ideological roots, and policy objectives. It delves into the repercussions of PiS’s anti-democratic measures, particularly in the area of the Constitutional Court, human rights, and protection of human rights, and control over media outlets and news agencies. These actions have led to visible and anticipated outcomes, sparking widespread criticism both domestically, from Polish opposition groups and activists, and internationally, from foreign politicians and organizations. The article aims to provide a thorough description and examination of the ongoing political dynamics within the country, specifically the authoritarian trends stemming from PiS’s nationalist–imbued populism being elevated to the status of the state’s governing ideology. The study segments the political landscape into three distinct categories: the underlying factors driving PiS’s authoritarian trajectory rooted in its overarching authoritarian–populist worldview, the attitudes, imperatives, and strategies shaping PiS’s policy responses and problem-solving approaches, and the political shifts observed as a consequence of these dynamics.

Keywords: parties, party systems, populism, democratic rollback, Poland, CEE, «Law and Justice», «PiS»

References:

1. Babińska M., Bilewicz M., Bulska D., et al. (2018) *Stosunek do Żydów i ich historii po wprowadzeniu ustawy o IPN*. Warszawa: Centrum Badań nad Uprzedzeniami. (In Polish).

2. Benedikter R., Karolewski I. (2016). Poland's conservative turn of 2015: Where are its real origins? *CIFE Policy Paper* (35): 81–88.
3. Bodnar A. (2018) Protection of Human Rights after the Constitutional Crisis in Poland. *Jahrbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart* (66): 639–662.
4. Cooley A. (2016). Countering Democratic Norms. In: *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*. L. Diamond, M. Plattner, Ch. Walker (eds). Baltimore: John Hopkins University Press.
5. Drozdowicz J. (2019) Splendid Isolation. Reframing National Identity Through Political Populism in Poland. *Hague Journal on the Rule of Law* (11): 85–110.
6. Gdula M. (2017) *Dobra zmiana w miastku. Neoautorytaryzm w polskiej polityce z perspektywy małego miasta*. Warszawa: Instytut Studiów Zaawansowanych Press. (In Polish).
7. Karnowska D. (2011) *Spór o wspólnoty. Idee komunitarystyczne we współczesnej polskiej myśli politycznej*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
8. Karolewski I. (2016) Protest and participation in post-transformation Poland: The case of the Committee for the Defense of Democracy (KOD). *Communist and Post-Communist Studies* 49(3): 255–267.
9. Karolewski I. (2019) Memory games and populism in postcommunist Poland. In: *European Memory in Populism*. Ch. Cesari, A. Kaya (eds.). London: Taylor and Francis Publishing.
10. Kelemen D. (2007) Europe's other democratic deficit: National authoritarianism in Europe's Democratic Union. *Government and Opposition* 52(2): 211–238.
11. Koncewicz T. (2017) On the Politics of Resentment, Mis-memory, and Constitutional Fidelity: The Demise of the Polish Overlapping Consensus? In: *Law and Memory: Towards Legal Governance of History*. U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias (eds). Cambridge: Cambridge University Press.
12. Korycki K. (2017) Memory, Party Politics, and Post-Transition Space: The Case of Poland. *East European Politics & Societies* 31(3): 518–544.
13. Kowalczyk K. (2004) Prawo i Sprawiedliwość. In: *Polskie partie i ugrupowania parlamentarne*. K. Kowalczyk, J. Sielski (eds). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. (In Polish).
14. Kowalczyk K. (2014) Typologia polskich partii politycznych według kryterium programowego. *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne* (1): 73–99. (In Polish).
15. Lasoń M. (2011) Eurosceptycyzm jako przejaw populizmu w praktyce politycznej III RP. *Krakowskie Studia Międzynarodowe* 8(4): 187–201. (In Polish).
16. Markowski R. (2020) Plurality support for democratic decay: the 2019 Polish parliamentary election. *West European Politics* 43(13): 1513–1525.
17. Modrzejewski A. (2017). Catholic and Nationalist Populism in the Current Poland. *Perspective Politice* 10(1): 21–31.
18. Müller J. (2017) Populism and Constitutionalism. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.
19. Ost D. (2018) *Authoritarian Drive in Poland. Poland's Memory Wars: Essays on Liberalism*. J. Harper (ed). Budapest: Central European University Press, pp. 55–64.
20. Paczeoeniak A., De Waele J. (2010) *Europa z rys populizmu. In: Populizm w Europie. Defekt i przejaw demokracji?* J.-M. De Waele, A. Paczeoeniak (eds). Warszawa: Oficyna Naukowa. (In Polish).
21. Pelinka A. (2013) Right-Wing Populism: Concept and Typology. In: *Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse*. R. Wodak, M. Khosravini, B. Mral (eds). London: Bloomsbury.
22. Roguska B. (2016) Aktywność społeczno--polityczna Polaków. *Komunikat z Badań* (16): 1–17. (In Polish).
23. Sadurski W. (2014) Rights before Courts: a study of Constitutional Courts in Postcommunist States of Central and Eastern Europe. Dordrecht: Springer. 376 p.

24. Sadurski W. (2018) How Democracy Dies (in Poland): A Case Study of Anti-Constitutional Populist Backsliding. Sydney: *Legal Studies Research Paper* 18(1): 1–72.
25. Sadurski W. (2019) *Polish Constitutional Tribunal Under PiS: From an Activist Court, to a Paralysed Tribunal, to a Governmental Enabler*. Hague Journal on the Rule of Law 11: 63–84.
26. Sadurski W. (2020) Populism and Human Rights in Poland. In: *Human Rights in a Time of Populism*. G. Neuman (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
27. Tworzecki H. (2019) Poland: A Case of Top-Down Polarization. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* 681(1): 97–119.
28. Weyland K. (2017) Populism: A Political–Strategic Approach. In: *The Oxford Handbook of Populism*. C.R. Kaltwasser, P. Taggart, P. Ochoa-Espejo (eds). Oxford: Oxford University Press.